

Ольга Мипилова

*Люющая
собака*



Ольга Шипилова

Поющая собака

«Издательские решения»

Шипилова О.

Поющая собака / О. Шипилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857852-6

«Поющая собака» — это сборник реалистичных философских рассказов, наполненных духовностью и светом. Главные герои — мужчины и женщины, дети и собаки, пытаются противостоять злу и тьме, смерти, одиночеству и унынию в надежде одержать над ними победу. Увенчивают сборник одноименный рассказ «Поющая собака» и созвучный с ним рассказ «Реск», вдохновителем которых явился славный город Ялта. Созданные на берегу моря, они олицетворяют собой низкий поклон автора любимому городу и его жителям.

ISBN 978-5-44-857852-6

© Шипилова О.
© Издательские решения

Содержание

Воскресение	6
Единственный день	9
Кафедра	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Поющая собака

Ольга Шипилова

Фотограф Виктор Анатольевич Иванцов

© Ольга Шипилова, 2017

© Виктор Анатольевич Иванцов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-7852-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воскресение

Сколько помнила себя Тамара, она всегда была одна. Одна по утрам варила на крошечной кухоньке типовой однокомнатной хрущевки черный кофе. Одна подходила к зеркалу и, взяв такую же одинокую зубную щетку, приводила себя в порядок. Одна выходила из дома и спешила по узкой асфальтированной дорожке на работу. Все вечера Тамара тоже проводила в одиночестве, сидя возле журнального столика с газетой в руках, либо перед телевизором, в который смотрела равнодушными невидящими глазами, а мыслями парила где-то в облаках.

Лишь однажды она скоротала вечер не в светлой своей квартирке, а в гостях у соседки, которая собрала шумную компанию интеллигентных молодых сослуживцев. Среди них был тот единственный, что покорила Тамару с первого взгляда – высокий, красивый, но не свободный инженер. После этого странного вечера Тамара почувствовала всем своим существом, которым небеса наделяют лишь женщин, что перестала быть одна. Тамара ощутила, что внутри нее множится и растет что-то трогательное и живое, подобное ей, и потому такое удивительно-странное. Мир запылал чувствами и красками, как багряной осенью пылают гроздья пурпурной рябины. Тамара больше не была одна. Она создавала внутри себя новую жизнь. Их было двое.

Маленький Олежка рос тихим послушным мальчиком. Сердце Тамары наполнялось нежной любовью, когда ее сын смотрел на нее своими умными темными глазами в обрамлении густых бархатных ресниц и ладошками касался материнской щеки, или тоненькими пальчиками перебирал ее волосы. Одно омрачало молодую мать – Олежка был очень болезненным ребенком: едва проходила ангина, тут же наступала ветрянка, только Тамара заканчивала мазать зеленкой красные пятна, как у сына воспалялись уши и лимфоузлы. И так по кругу. На работе Тамаре делали внушения из-за частых больничных, но что она могла с этим поделать? Она мать и не может вести больного малыша в детский сад, в котором воспитатели делают ей такие же замечания из-за сына, что ходит в группу с насморком.

В тот памятный для Тамары день у нее с самого утра все валилось из рук. Хныкал и капризничал Олежка, не желая собираться в детский сад. Тер ладошками воспаленные заспанные глаза и упорно натягивал на себя маленькое пуховое одеяло. Куда-то подевался отчет, который Тамара вчера вечером сунула себе в кожаную сумку и теперь никак не могла отыскать среди всех остальных своих нужных и ненужных бумаг. Как назло убежал ароматный кофе, который Тамара варила для себя в блестящей турочке. Времени на сборы совсем не оставалось. Женщина наспех одела сына, оделась сама. И, нервно поглядывая на свои дешевые часики на левой руке, с ребенком в охапку выбежала на улицу. Оставив сына в детском саду, Тамара поспешила на работу. Начальник как всегда был не в духе, сквозь прозрачные стекла строгих очков он недовольно взглянул на взволнованную женщину. Стрелки больших настенных часов заводской конторы показывали без четверти девять, и Тамаре, как обычно, пришлось слезно оправдываться и объяснять причину, почему она снова задержалась.

Городской телефон зазвонил ровно в два, сразу после обеда. Коллега Тамары равнодушно взяла трубку, недолго подержала ее у своего уха и вновь вернула на место. «Томка, звонили из детского сада – у твоего высокая температура!» – мелодичным голосом пропела женщина. И занялась разглядыванием кофейной гущи на белом блюдечке. Тамара стояла потрясенная услышанным, не зная, что теперь ей делать: бежать ли к начальнику или сразу без предупреждения в детский сад. В голове стучали сотни молоточков, дрожало внутри испуганное сердце и казалось, не будет конца этому кошмару.

Начальник злился, пыхтел, важно раздувал свои худые щеки, деловито поправлял очки на тонкой переносице. Ему нравилось унижать подчиненных. Он чувствовал себя в такие минуты очень большим человеком. Особенно ему доставляли удовольствия бормотания худенькой бледной Тамары. Она всегда стояла перед ним как провинившаяся школьница, что-

то мямлила, не находя нужных слов, и мяла в руках белоснежный платочек. Так было всегда, но только не в этот раз. Она какая-то вся растрепанная подбежала к нему, гордо дернув головой, крикнула, что ей срочно нужно уйти, и, не дожидаясь ответа, побежала по длинному коридору. Она оглянулась лишь однажды, и во взгляде ее было что-то звериное. Что-то, что предупреждало: «Только попробуй остановить!»

Когда Тамара, еле дыша, поднялась по крутым ступеням на третий детсадовский этаж, Олежка уже сидел одетый на красной скамеечке. «Как хорошо, мама, что ты пришла, мне вызвали „скорую“! – шептал мальчик ей прямо в ухо. – Ты не разрешай меня увозить!» Тамара и не разрешила. Она губами коснулась пылающего лба сына и молча, не сказав никому ни слова, понесла Олежку на руках домой.

Ребенок весь горел. Сухая кожа становилась бледной, и как ни старалась Тамара сбить температуру, она все равно была высокой. К вечеру началась лихорадка. «Это скарлатина! – устало подытожил все симптомы участковый доктор. – Нужно в больницу! Срочно!» «Нет, – кричала Тамара, – я не отдам, я сама, я выхожу, вымолю!» И не отдала. Сама размешивала порошки, давала антибиотики, прикладывала компрессы. Мальчик был очень слаб. Тамара готовила для него травяные отвары и по капле выпаивала своего сына. Иногда женщина не помнила ночь на улице или день, ела она или нет, спала или не спала. Лишь иногда, всего на минуту, Тамара закрывала свои беспокойные глаза, лежа возле Олежки на узкой кровати, и ей казалось, что она летит куда-то в пропасть, в темноту, и эта темнота может отнять у нее самого родного человека на свете. Тамара вздрагивала, открывала глаза и давала себе слово больше не ложиться.

К концу второй недели, в которой не было ничего, кроме борьбы за маленькую слабую жизнь, вечером мальчик открыл глаза. Тамара беспокойно вгляделась в них – глаза были ясными. «Мама, – позвал мальчик, – я хочу есть!» И Тамара бежала на кухню, не помня себя от радости, варила горячий куриный бульон в маленькой кастрюльке и несла сыну. Она была счастлива. Она удержала жизнь подле себя. Их было двое.

Следующим утром Тамара лежала в постели, крепко обняв Олежку, и почему-то не могла открыть глаза. Она силилась, но ничего не получалось. Все тело ломило, хотелось плакать и немножко спать. Тамаре казалось, что она плывет на узеньком плоту, который несет бурная река, плотик кольшется из стороны в сторону, и от этого ее начинает тошнить. Тамара опомнилась только тогда, когда почувствовала слабые толчки в безвольную руку. Над ней сидел маленький сын. Он плакал от того, что мама никак не просыпается. Тамара сделала над собой усилие и попыталась подняться. Но из этого ничего не вышло. Комната качнулась и стала куда-то уползать. Женщина лишь почувствовала, как ее тяжелая голова упала на худенькие руки сына и он, ее бедный Олежка, снова зашелся в испуганном плаче. «Господи! – думала Тамара. – Что же сейчас с нами будет, что станет с сыном, если мы одни в целом мире?» Тамара пыталась своей рукой нащупать тонкую руку сына. И когда у нее это не выходило – слезы отчаянья и боли текли по исхудавшим щекам. Все на свете Тамара передумала в эти часы: как она умрет, а за ней следом умрет и ее голодный сын; или как она умрет, а сына заберут в детский дом, или... Тамара не понимала, что она не просто размышляет, она все мысли произносит вслух; она не видела, она не могла видеть, как ее мальчик стоит в дверном проеме и захлебывается беззвучными слезами в страхе потерять мать.

Сначала Олежка просто сидел возле матери, держал ее за руку и плакал. Потом страх потери пересилил его. Он стал приносить маме воду. Она не открывала глаза, и Олежка из ладошки поил свою мать. Потом он захотел есть. А еще позже подумал, что, наверное, есть хочет и мама. Олежка боялся разжечь плиту, но все же разжег, он не умел чистить картошку, но все же кое-как начистил. Маленький большой сын на крошечной кухне, стоя босиком на низком табурете, готовил еду себе и маме. Олежка не умел читать, зато хорошо запоминал картинки на квадратных пакетиках, которые мама давала ему, когда он болел. Мальчик брал из множе-

ства других именно эти, разводил водой и нес маме. Олежка не умел просить ничего перед иконами, но все же темными вечерами он просил. Просил за маму и просил за себя. И боялся умереть, но еще больше он боялся потерять свою маму. И в этот час иконы слушали его, и небеса слышали детскую молитву, и колокола в храмах звонили лишь для этих двоих, и голоса в хоре пели лишь для них двоих.

В воскресенье Тамара открыла свои мутные глаза. Она не помнила, сколько вот так пролежала, она не знала, как судороги сводили ей руки и ноги. Она легко вынырнула из темноты, оставив свой плотик во владениях быстрой реки. И первое, что испытала женщина – это страх увидеть мертвым сына. С замиранием сердца она тихонечко позвала: «Сынок...»

Олежка, пододвинув свой маленький табурет ближе к раковине, пытался мыть посуду. Чашка никак не отмывалась, и мальчик больше развозил по ней грязь. Это его очень занимало. Он мыл. Шумела вода. И вдруг сквозь шум Олежка услышал: «Сынок...» Так могла звать только мама. Мальчик растерялся, засуетился, табурет выскочил из-под его ног, и он упал. Но все это было уже не важно. Олежка бежал к маме. К своей маме, жизнь которой он удержал подле себя. Их было двое.

Единственный день

Холодным осенним утром Коля перешагнул порог родного завода. Голова гудела от вчерашнего ночного застолья. Люди, лица, голоса, хохот, неприкаянность тела и души. Странные мысли роились в воспаленном мозге как рассерженные пчелы. «Жена... Куда подевалась жена? Ах, да! Она ушла неделю назад, она не смогла! То есть он, мужик, остался, а она, слабо-нервная, ушла от него, сказав, что ее издегали Колины выкрутасы с обилием водки, разукрашенных девиц и маргинальных парней с отвисшими губами». Больно кольнуло что-то внутри, затрепыхало, зазвякало надсаженное сердце, напоминая о себе. Коля качнулся и еле устоял на ногах, чувствуя, как кровь, разбавленная алкоголем, поползла куда-то в область желудка. Сделалось тепло, а потом резко замутило. Коля сплюнул прямо на бетонный пол. Нет, сегодня он плохой работник! А помнится, в свое время, ему не было равных: крепкие руки ловко повелевали металлом, во все стороны летели горящие искры, и довольная улыбка появлялась в Колиных рыжих усах.

– Здорово, Мотя! – хлопнув крепкой рукой по Колиной спине, прямо в ухо пробасил высокий парень, Колин товарищ по бригаде.

– Здорово! – прохрипел еле слышно Коля себе в усы.

Тошнота все не отступала, неприятно давило что-то в горле, и череда странных, совершенно ненужных мыслей продолжала лезть в тяжелую голову, от чего делалось еще хуже. Мотя... Что за дурацкое прозвище?! И ведь сам его когда-то придумал для себя! Чтобы рас-смешить молодых ребят на заводе назвался Матильдой, с независимым видом протягивая им жилистую руку. Матильда не прижилась, а вот Мотя остался, причем так уверенно, что никто на заводе больше и не вспоминал Колиного имени.

Наступал обычный трудовой день. Туда-сюда сновали веселые бравые сварщики, шутили и громко смеялись. Коля тоже был сварщиком, слыл балагуром и искренне считал, что любое дело следует начинать исключительно с улыбки, ибо только такой подход к работе превращает ее в настоящее наслаждение. Но только не сейчас, когда желудок выворачивало наизнанку, а смех и чужая радость раздражали. Что-то невыносимо дергало в голове, накатывала и до судорог сжимала губы тошнота. Молодые сварщики все гоготали, и казалось, этому никогда не будет конца. Скрежет железа, горящие искры, перепачканные маляры и резкий запах грунто-товки. «Клац-клац!» – равнодушно стучал холодный зуб железной гильотины. «Клац-клац!» – отзывалось болью что-то внутри головы. Коля стоял посреди цеха и не понимал, что ему делать дальше. Можно, конечно, отпроситься и пойти скорее домой, чтобы принять лечение. Но за последнюю неделю он проделывал это уже трижды, да и причин, чтобы себя хоть чем-нибудь оправдать, давно не осталось. Просто уйти – значит потерять работу в это и без того сложное время. Коля застыл как холодная статуя, погруженный в свои тяжелые раздумья, а сварщики все шутили, размахивали руками и хватались за животы. Это было невыносимо! Он еще немного постоял и в нерешительности отправился на поиски мастера.

– Николай, ты опять в таком виде?! – рассердился мастер, высокий сорокалетний муж-чина с чертами лица, какие бывают лишь у истинных аристократов. – С меня хватит, я на мно-гое закрывал глаза! Ты отличный специалист, но неприятности мне не нужны! Нервишки, зна-ешь ли, у меня и так шалют! И работу из-за тебя я потерять не хочу, жена недавно второго родила! Так что, друг мой, иди и работай, а если не можешь – пиши на увольнение!

С этими словами мастер отвернулся от Коли и быстрым шагом пошел в сторону проход-ной. Его глаза зло блестели, а губы еле слышно шептали:

– Ай-ай-ай, такой парень был, вот дурак! Пойдет на увольнение!

Коля понимал, сейчас он должен выбрать: или хоть что-нибудь делать, или перемахнуть через вертушку проходной и бежать в винно-водочный магазин. Но как работать, когда в гла-

зах скачут хмельные чертики?! И как уволиться, когда у него семья?! Коля снова задумался. Мысли были мерзкими и неприятными. Он думал о своей жене. Он любил ее, и он предавал ее. Предавал всякий раз, как только спиртное разносилось кровью по его венам, а на пути от магазина к дому встречались такие же пьяные грязные женщины. И даже тогда он все равно любил свою жену. Он помнил, как самоотверженно она боролась за его жизнь, когда безразличный врач кривым неразборчивым почерком вывел на желтом листке бездушное заключение «опухоль». Всего-то семь букв, но каких... Сколько слез, боли, отчаянья и новых надежд! Родные глаза в больничной палате, прямо напротив его желтого исхудавшего лица. Две пары теплых участливых рук самых любимых, единственных женщин в его жизни – жены и дочери. И Коля выкарабкался, выполз из черного омута болезни. Жизнь, отдышавшись, снова уверенно двинулась вперед. Работа, хорошая зарплата, семья, любимое дело. Никогда Коля не жаловался своим коллегам на тяжелую болезнь, которую он преодолел, лишь шутил и смеялся, как смеялись сейчас молодые ребята рядом с ним. Коля хорошо знал, что в коллективе к нему очень тепло относятся, и дня не могут прожить без шуток веселой Матильды.

Все изменилось как-то в одночасье. Коля даже сам не мог понять, когда именно это произошло. Кажется, это случилось весной. Болезнь отступила, появилось пьянящее желание жить, чувствовать себя молодым, энергичным, крепким мужчиной, который может сражаться и побеждать. Он шел с работы, а зеленые листочки на деревьях кружили голову. Коля сделал вдох, потом другой и почувствовал, как юная весна робкими солнечными лучами словно растекается по всему его телу, жжет внутри и расправляет сдавленные легкие. Коля прислушался к себе и с удивлением заметил, что может дышать полной грудью, чего раньше никогда с ним не случалось. Он стоял среди прохожих, смотрел в небо и хохотал, жадно хватая ртом запах реальной жизни, без уколов, капельниц, больничных стен и белых халатов. Всем своим естественным он ощущал свободу! Прежде, ограниченный запретами из-за тяжелой болезни, он только и слышал: «То нельзя, это нельзя». И вдруг как будто в один момент все стало можно, будто бы до этого чудесного момента он и не жил вовсе. И всему виной жена со своим бесконечным тотальным контролем, таблетками по расписанию, оздоровительными диетами и травяными чаями; правила в коллективе, которые нужно выполнять; общество, что заставляет его жить в маске порядочного семьянина и отличного труженика. Надоело!

В этот вечер он напился, напился сильно. Домой идти было стыдно, он и не пошел. Шатался по злачным заведениям до утра. А когда появился на пороге родного дома, заплаканная жена, молча, провела его к кровати и уложила спать, как маленького провинившегося ребенка. От этого стало еще противнее. Жена не упрекала его, не ругалась, не устраивала скандалы и бойкоты. Как ни странно, на работе к Колиной выходке отнеслись тоже снисходительно. Первый день с перегаром, второй, неделя – ни единого упрека. Коля чувствовал себя хитрым сорванцом, который всех водит за нос. И началось... Коля катился в пропасть, которая была страшнее рака. Он горел в алкогольном аду, из которого ему одному выбраться было уже не по силам. Но он сам, своими собственными руками, оттолкнул от себя всех, кто был для него дорог. И больше никто в этом не виноват. Коля понимал, что с каждой каплей выпитого горячительного напитка теряет контроль над собой, а вслед за ним и уважение коллег на работе. Он замечал не один раз, как молодые ребята с сочувствием смотрят ему вслед. Вот и сейчас все трудятся, а он, одинокий и неприкаянный, стоит посреди родного цеха, похожий на огромное пугало, и никто не зовет его приступить к делу. А что, если все взять и исправить? А что, если это единственный день, когда можно повернуть время вспять? Честно отработать смену, честно поговорить с ребятами, что ему тяжело, и он будет рад любой поддержке, потом по дороге домой купить самые лучшие цветы для жены и дочери и, собрав всю семью дома, просить у них прощения, стоя на коленях, и целовать милые родные тонкие запястья.

Коля направился к гильотине, где парни из его бригады рубили металлические пластины. «Вот сейчас возьмусь за дело! – думал Коля. – Ничего, что стучит в голове и мутит, пере-

терплю, переболею!» Коля подошел близко-близко к своим напарникам и прокричал: «Ребята, давайте помогу!» Те из-за заводского шума и грохота не совсем разобрали, что говорил им вечно нетрезвый Мотя, но все же обернулись. Коля смотрел в их лица, и ему казалось, что он пытается им улыбнуться, но в глазах ребят застывал ужас. Коля не понимал, что происходит. «Клац-клац!» – молотил железный зуб гильотины. «Клац-клац!» – эхом отзывалось внутри головы. Потом удар, еще удар, и Коля не совсем уже понимал, в голове ли это, или все же так стучит гильотина. «Нет, – догадался Коля, – это не гильотина, точно голова!» Внутри, в самом центре воспаленного мозга, действительно что-то напряглось, застучало, запульсировало, потом еще раз напряглось и дернулось. Да так, что Коле почудилось, словно на него вылили ушат с горячей свиной кровью. Он не знал, почему земля трясется и плывет, плывут лица людей вокруг и он сам плывет куда-то, подхваченный горячими волнами крови внутри своей головы.

А потом не было уже ничего. Лишь бетонный пол цеха, боль в плече и шум в ушибленной голове. «Надо срочно подниматься! – подумал Коля. – Что люди скажут?! Теперь точно уволят! Не смог устоять на ногах – значит нетрезв!» Коля тихонько попробовал приподняться, голова чувствовала себя лучше, тошнота совсем исчезла. Снова хотелось жить, дышать, шутить и работать! «Обязательно куплю цветы и, наверное, сам испеку пирог, хорошо, что внимательно когда-то следил за ловкими руками жены, когда та стряпала, и запоминал рецепт!» Коля совсем поднялся и уверенно встал на сильные ноги. А люди все равно кричали. «Да перестаньте, ребята, все хорошо, я даже не ушибся!» Но люди продолжали кричать и суетиться:

– Удар! Удар!

– Какой еще удар? – не понимал Коля.

Но все же пошел взглянуть туда, где толпились люди. На холодном бетонном полу лежал он сам... Лежал на боку, как-то неестественно поджав под себя ноги, с синим, искаженным в уродливой улыбке, лицом, изо рта шла белая пена, она пузырилась и струей стекала на бетонный пол, некрасиво пачкая левый приоткрытый глаз. Над ним склонялись два молодых парня. Он хорошо их знал, и даже любил. Один держал голову, другой растирал руки. «Смотри-ка и не побрезговали!» Коля видел, как приехала скорая помощь, как его тело несли в машину, как возился возле него бледный мастер. А потом все вмиг исчезло... Люди, лица, боль и суета... Все перестало существовать, кроме одного этого единственного дня, кроме огромных испуганных глаз его жены и дочери, кроме сожаления и безысходности оттого, что так и не успел обнять их и попросить прощения. Он становился бледным облаком, и это облако видело, как жена несет ему белые цветы, и облако горевало, что несет она, а не он, Коля, ей – такой родной и близкой, такой одинокой и постаревшей. Если бы только все можно было исправить, если бы можно было остановить стрелки часов, то все могло бы быть иначе! Не лежал бы сейчас в его именной душевой кабинке одинокий кусочек мыла, не стояла бы сиротливая невымытая чашечка с недопитым кофе в цеху на металлическом столе. Все могло бы быть иначе! Могло бы, но уже никогда не будет. Теперь он – белое облако.

Темным утром идут молодые сварщики мимо заводской проходной, шутят и хохочут. Один останавливается, словно наткнувшись на невидимую стену. Это тот, что держал Колину голову на своих коленях. Долго всматривается в пустоту и вдруг улыбается одними глазами:

– Здорово, Мотя! – шепчет он.

– Здорово! – радуется другу невесомое облако и плачет, и молится о нем, и желает удачного трудового дня.

Кафедра

Промозглым ноябрьским утром Аркадий Петрович, облаченный в дорогой серый костюм и строгое черное пальто, плелся на работу. Настроения не было. Заспанные люди спешили на автобусную остановку. Суэта раздражала Аркадия Петровича. Он привык к покою. На родной кафедре, где он преподавал уже шестнадцатый год, всегда было тихо. Безразличные к наукам студенты не мешали мерному ходу его мыслей, которыми владела лишь философия и ее самая фундаментальная по значимости и сложная по решению проблема – выяснение сущности бытия. Долгие годы Аркадий Петрович пытался разгадать загадку объективной реальности – космоса, природы, человека. Люди бежали в ноябрьской темноте как черные точки, Аркадий Петрович смотрел на них равнодушными глазами и думал в этот час только об одном: «Вот если бы пошел снег! Тогда бы все изменилось! Можно было бы бесконечно долго изучать его цвет! Ибо цветов белого огромное множество и только тот, кто сумеет заглянуть глубже, увидит в снеге не просто цвет, а смысл всей человеческой жизни!» Но снега не было, как не было и настроения. С мыслями о снеге и причинах плохого настроения Аркадий Петрович, не торопясь, шел на свою непрофильную кафедру медицинского университета. Студенты не любили эту кафедру, еще больше они не любили предмет, который преподавал Аркадий Петрович – философию, и, наверное, не любили его самого. Предмет был скучным, а преподаватель строгим. Аркадий Петрович, в свою очередь, не понимал студентов – уверенных в себе будущих врачей, для которых высокие чувства – это всего лишь химическая реакция, а тело человека – анатомический атлас. Аркадию Петровичу часто казалось, что для современных молодых ребят нет ничего святого, они ни во что не веруют, лишь в свои силы и в безграничные потенциалы биологического организма, имя которому – человек. Осознание этого ужасно огорчало строгого преподавателя, он мучился бессонницей, упрекая самого себя в собственной несостоятельности. Всю ночь перед ним хороводом кружили лица студентов, и он никак не мог понять, что сделать, чтобы растормошить их души, оживить ум, заставить думать, проявлять любопытство, читать.

С коллегами по кафедре были, напротив, совсем иные отношения. Аркадий Петрович их уважал до глубины всей своей ранимой души. Особенно импонировала ему молодая незамужняя Танечка, кандидат филологических наук. Она пришла на кафедру совсем недавно. Преподавала иностранным студентам все хитрости русского языка и была очень горда собой. Аркадий Петрович ее тайно обожал. Хотя для смекалистой Танечки обожания эти никаким секретом не были, и она часто одаривала Аркадия Петровича многозначительным взглядом, от чего коллега сразу же покрывался красными пятнами и в смущении опускал свои часто моргающие редкие ресницы. Аркадий Петрович боялся себе признаться, что влюблен. Впервые женщина увлекла его настолько, что он на лекциях начал думать не о науке, а о стройных ножках Танечки. Семьи у Аркадия Петровича не было. Сначала он учился, до позднего вечера сидел за учебниками, на свидания времени не хватало. Потом начал преподавать, и нужды в любовных отношениях вовсе не осталось. Заботливая мать заменяла всех женщин на свете. Ухаживала, гладила белые рубашки, готовила на завтрак блины, встречала сына после работы во дворе, приносила горячие булочки на кафедру. Казалось, так будет всегда, зачем семья, когда рядом заботливая мама? Но ровно год назад ее не стало. И Аркадий Петрович впервые почувствовал себя настолько одиноким и несчастным человеком, что вечерами в пустой квартире ему хотелось выть. С маминым уходом в душу начало вползать робкое желание обзавестись семьей, детьми, каким-нибудь смешным неуклюжим псом и даже загородным домом.

Едва Аркадий Петрович переступил порог своей кафедры, как навстречу ему бросились две улыбочивые лаборантки, которым, как думалось Аркадию Петровичу, было уже далеко за сорок. В руках одной из женщин находилась изящная чашка с ароматным кофе, которую она

протягивала настойчиво Аркадию Петровичу, от чего ему сразу пришлось присесть на свой мягкий преподавательский стул, а вторая трясла бумагами с фамилиями неуспевающих студентов на других кафедрах. Аркадий Петрович из приличия улыбнулся лаборанткам, от кофе вежливо отказался, а бумаги взял. Дождавшись, когда женщины выйдут из преподавательской, Аркадий Петрович взглянул на фамилии лентяев в списках. Среди них была его студентка Наташа. Она сильно ему досаждала и даже раздражала. Нельзя было сказать, что девушка вела себя как-то недостойно, даже наоборот, она на первый взгляд казалась очень приличной ученицей. Что отличало ее от остальных, так это постоянные пропуски занятий и лекций, после чего она сочиняла какие-то странные небылицы о слабом здоровье, бесконечных обследованиях и крайне плохом самочувствии. В это плохое самочувствие Аркадию Петровичу с трудом верилось, потому что Наташа могла похвастаться здоровым румянцем на выпуклых натянутых щеках и крепкой фигурой. От размышлений Аркадия Петровича оторвали его коллеги, которые один за другим входили в преподавательскую, долго отряхивались, приводили в порядок волосы у большого настенного зеркала и педантично убирали верхнюю одежду в скромный преподавательский шкаф. Вслед за мужчинами в помещение вбежала запыханная высокая Таня в норковой шубе. Она всегда куда-то спешила, словно торопилась жить. Аркадий Петрович жадно хватал ртом запахи улицы и духов, которые Таня принесла на себе. Отдышавшись, молодая женщина грациозно продефилировала рядом с рабочим местом Аркадия Петровича, хитро улыбнулась и бросила на стол мятный леденец «Холодок». Потом постояла некоторое время, что-то вспоминая, и заулыбалась еще шире, обнажив белые красивые зубы: «Читала, читала вашу статеечку, Аркадий, вы большой молодец! Вот кого бог умом не обделил, так это вас!» Аркадию Петровичу тон молодой Танечки показался каким-то уж слишком пренебрежительным, но мятная конфета на столе, ее лисьи глаза, тоненькая талия – нет, тон здесь ни при чем, это только молодость! Мужчины-коллеги протягивали ему свои крепкие ладони для рукопожатий и Аркадий Петрович совсем успокоился. Он верил в незыблемость своего имени и статуса, который он зарабатывал себе на этой кафедре много лет. Аркадия Петровича действительно ценили и уважали. Он слыл среди своих коллег мастером слова, ответственным человеком и прекрасным преподавателем.

Аркадий Петрович с исписанными бумагами под мышкой не спеша следовал к своей аудитории. До лекции еще оставалось пять минут, и потому можно было спокойно собраться с мыслями, еще раз прокрутить в голове план предстоящей темы и уж после аккуратно изложить материал своим студентам. За университетским окном было серо и холодно. Тяжелое небо висело низко над грязными домами, голыми тополями и влажными елями. «Вот если бы все же пошел снег...» – в который раз вздохнул Аркадий Петрович.

Наташа уже поджидала своего преподавателя возле массивной двери лекционного зала. Она стояла, опершись спиной о синюю крашеную стену, некрасиво выпятив вперед полный живот. Аркадий Петрович почувствовал, как волна нестерпимого раздражения накрывает его. Это было неправильно, но как он ни пытался, как ни боролся с собой, утаить неприязнь просто был не в силах. «Да, что она о себе думает, эта самоуверенная девица! – горячился Аркадий Петрович. – Самым мерзким образом прогуливает занятия на всех кафедрах, сочиняет глупые отговорки и надеется, что каким-то чудом сдаст сессию! Нет, милая моя, со мной твои проделки не пройдут!» Аркадий Петрович резко схватился за грубую металлическую ручку двери, пытаясь в упор не замечать свою студентку. Но она сама шагнула ему навстречу и преградила путь. Деваться было не куда, он поднял глаза на Наташу.

– Аркадий Петрович, миленький, отпустите меня сегодня с лекции, мне нужно к доктору!

– А что так, уважаемая, ты же сама будущий доктор. Может, уже закончим этот спектакль? – все больше сердился Аркадий Петрович.

– Аркадий Петрович, поймите меня, я не лгу. Я очень больна и нуждаюсь в постоянном медицинском наблюдении! – волновалась Наташа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.